

18+

77x157

Анжелика Кених

22
урока:
тот кто
не верит

«Колода не прощает
неверия»

Анжелика Кених

**22 урока: Тот кто не верит.
Колода не прощает неверия**

«Издательские решения»

Кених А. В.

22 урока: Тот кто не верит. Колода не прощает неверия /
А. В. Кених — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Меня
зовут Анжелика, мне 31 год, я офис-менеджер. Сколько себя помню, меня
всегда тянуло к мистике и картам Таро. «22 урока: тот, кто не верит» — моя
первая книга. Она родилась из желания доказать себе: мечты сбываются,
если перестать бояться и просто начать. Надеюсь, моя Алиса заставит вас
поёжиться, глядя на старую колоду. Книга содержит нецензурную брань.

© Кених А. В.

© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ АЛИСЫ	6
Часть 1. Дурак	7
ГЛАВА 1. ОБЫЧНЫЙ ДЕНЬ	7
ГЛАВА 2. БАРАХОЛКА	15
ГЛАВА 3. КАРМАН	22
ГЛАВА 4. ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РЫНОК	28
Конец ознакомительного фрагмента.	34

22 урока: Тот кто не верит Колода не прощает неверия

Анжелика Вячеславовна Кених

© Анжелика Вячеславовна Кених, 2026

ISBN 978-5-0069-9141-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«22 Урока: тот, кто не верит»

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ АЛИСЫ

Эта книга — не роман. Не выдумка. Не сон.

Я пишу эти строки, зная, что ты, читатель, скорее всего, не согласишься ни единому слову. И правильно сделаешь. Я тоже не верила. Смеялась над подругами, которые гадали на Таро. Называла карты «мусором для инфоцыган». Думала, что всё это — психосоматика и самовнушение.

Колода выбрала меня именно за это.

За неверие.

За усмешку.

За то, что я считала себя умнее.

Теперь я знаю: карты — не предсказывают будущее. Они его создают. Или разрушают. Или забирают тех, кто посмел усомниться.

Я прошла двадцать два урока. Каждый оставил след — на теле, в памяти, в душе. Я потеряла подруг, почти потеряла брата, забыла вкус шоколада и голос матери. Но я выжила. И сломала цикл.

Или мне только кажется?

Если ты держишь эту книгу в руках, возможно, колода уже нашла тебя. Не бери её в руки. Не смотри на карты. Если она уже в твоём кармане — читай дальше. Моя история не спасёт тебя. Но, может быть, предупредит.

Цикл не остановить. Но его можно понять.

Алиса.

Найдено на блошином рынке «Стекляшка» в чёрном кожаном футляре.

Часть 1. Дурак

Дурак — это не тот, кто не знает. Дурак — тот, кто смеётся над пропастью, не видя её глубины. Первый урок: доверие. Последний: смирение. Между ними — двадцать одна ступень в никуда.

— из голоса Шута

ГЛАВА 1. ОБЫЧНЫЙ ДЕНЬ

Кашель брата прозвучал как выстрел в пустой комнате.

Я открыла глаза за секунду до того, как осознала, что не сплю. Тело сработало быстрее мозга: ноги уже на полу, руки шарили по тумбочке в поисках ингалятора. Темнота в комнате была не просто чёрной — она казалась плотной, как вода, и я чувствовала, как она давит на барабанные перепонки.

— Митя, я иду, — сказала я, и мой голос прозвучал глухо, будто я говорила сквозь вату.

Коридор пах кислым перегаром и старой капустой. Этот запах въелся в обои, в ковёр, в мою одежду. Даже когда мать не пила несколько дней — а она почти всегда пила, просто иногда меньше, — он оставался. Он стал частью квартиры, как трещина на потолке или скрип половиц.

Я не зажигала свет. Знаю где какая половица скрипит. Шестая скрипит, девятая прогибается под ногой. Если наступить на пятую слишком сильно, проснётся соседка снизу — тётя Зина, которая ненавидит нас за то, что мы громко дышим.

Митя сидел на кровати, согнувшись пополам. В темноте он казался призраком — белая пижама, белое лицо, тёмные провалы глаз. Одна рука вцепилась в горло, вторая судорожно хватала воздух.

— Держи, — я сунула ингалятор ему в рот. Мои пальцы дрожали, но голос был ровным. — Раз, два, три. Глубже. Не спеши.

Он вдохнул, закашлялся, выдохнул с каким-то свистом, похожим на крик чайки. Потом ещё раз. Ещё. Через минуту дыхание выровнялось, и плечи его опустились.

— Не говори маме, — просипел он. Голос был как наждак. — Я забыл его вчера в школе.

Я хотела сказать что-то резкое — про то, что он может задохнуться во сне, что мне придётся вызывать скорую, что я устала бояться за него каждую ночь. Но слова застряли в горле.

Не его вина, что мать не проверяет рюкзак. Не его вина, что отец ушёл.

— Ладно, — сказала я. — Но в следующий раз сам будешь объяснять фельдшеру, почему ты синий.

Митя виновато улыбнулся, и я погладила его по голове. Волосы были мягкие и спутанные, пахли детским шампунем. «Детский» — значит, со вкусом клубники, хотя сам шампунь куплен в прошлой зарплате в магазине у дома за сто двадцать рублей.

На кухне горел тусклый свет. Лампочка мигала уже месяц, и я знала, что замена будет стоить триста рублей, которых нет.

Мать спала на диване.

Она лежала на боку, поджав колени к животу, и выглядела как свёрнутая гусеница. Рядом на полу валялась пустая бутылка из-под водки — «Пять озёр», дешёвое пойло, от которого наутро раскалывается голова и немеют пальцы. Ей сорок пять, но морщины вокруг рта и желтизна белков делают её похожей на семидесятилетнюю.

Я не знаю, когда она стала такой. Или, может, она была такой всегда, просто я не замечала, пока не научилась различать стадии опьянения по дыханию.

Сейчас дыхание было тяжёлым, с присвистом. Иногда она вздрагивала — будто кто-то бил её по лицу невидимой рукой. Мне говорили, что это нервы. Я думала, это совесть.

Я убрала бутылку в мусорное ведро, накрыла мать пледом. Она не проснулась.

Чайник закипел. Я заварила себе пакетированный чай — на вкус он напоминал подогретую воду из-под крана с намёком на траву. Села за стол и посмотрела на свои руки.

Они дрожали.

Я не знала, от чего — от недосыпа, от голода или от того чувства, которое не отпускало меня уже несколько лет. Чувства, что всё идёт не туда. Что я опаздываю. Что я должна быть где-то ещё, делать что-то ещё, но я здесь, в этой кухне, с этой лампочкой и этим чаем, и я никуда не денусь.

Мне двадцать один год. Я должна учиться, влюбляться, путешествовать. Вместо этого я считаю копейки до зарплаты и боюсь, что однажды не услышу кашель Мити.

В ванной я умылась ледяной водой. Зеркало запотело, и моё лицо расплылось в белом тумане — тёмные волосы, собранные в пучок, синие круги под глазами, тонкие губы. Я выглядела на тридцать.

— Ты справишься, — сказала я своему отражению. Оно не ответило.

Митя собирался в школу медленно, как будто каждое движение стоило ему усилий. Я застегнула его куртку, поправила воротник, затянула шнурки. Он смотрел на меня снизу вверх своими большими глазами, и в них была такая благодарность, от которой у меня сжималось сердце.

— Ты сегодня заберёшь меня? — спросил он.

— Сегодня пятница, — сказала я. — У меня смена до восьми. Придётся идти самому. Ключи под ковриком.

Он кивнул, но я видела, что ему страшно. Наш район не самый опасный, но и не самый безопасный. Вечером там собираются компании парней с бутылками пива и громкой музыкой. Я просила Митю сидеть дома и никому не открывать. Он обещал.

Дорога до его школы занимала пятнадцать минут пешком. Мы шли мимо серых панельных домов, мимо голых деревьев, мимо мусорных баков, переполненных так, что крышки не закрывались. Небо было низким, свинцовым, и давило на голову, как мокрая тряпка.

— Алис, — сказал Митя, когда мы проходили мимо художественного магазина. — А ты могла бы не ходить на эту работу? Ты же рисовать хотела.

Я остановилась.

Витрина магазина была заставлена мольбертами, кистями, красками. В центре стоял набор акварели — «Невская палитра», сорок восемь цветов, профессиональная. Ценник — пять тысяч рублей. Рядом — мольберт, складной, буковый, шесть тысяч.

Я смотрела на них, и внутри что-то заныло. Глухо, тупо, как зубная боль.

— Рисование не кормит, — сказала я. — Пошли, опоздаешь.

Митя не спорил. Он только крепче сжал мою руку, и я почувствовала его пальцы — холодные, тонкие, как спички.

У школы он обернулся.

— Ты заберёшь меня? — спросил он снова.

— Я же сказала — сам. Ключи под ковриком.

Он кивнул и пошёл к дверям. Я смотрела ему вслед, пока он не скрылся за поворотом. Потом развернулась и пошла на работу.

Кофейня «Кофеин» находилась на первом этаже торгового центра. Стекланные двери, пластиковые стулья, искусственный свет, от которого болели глаза. Я работала там уже полтора года — сначала бариста, потом администратором. Зарплата — двадцать две тысячи плюс чаевые, которые Олег, управляющий, делил между всеми, но почему-то большая часть доставалась ему.

Олег встретил меня у входа.

— Опоздала на две минуты, — сказал он, не здороваясь. Его голос был скользким, как рыба. — Хочешь лишиться премии?

— Извините, — сказала я, глядя в пол. — Брат заболел.

— Твои семейные проблемы не касаются бизнеса. — Он шагнул ко мне, и я почувствовала запах его дешёвого одеколона — резкий, химозный. — Хотя, если будешь любезнее, я могу закрыть глаза на опоздания.

Он произнёс «любезнее» так, что мне захотелось вымыть руки.

— Я поняла, — сказала я. — Пройду за стойку.

Олег хмыкнул, но отстал.

За стойкой я выдохнула. Руки всё ещё дрожали. Я нажала кнопку кофемашины, и она загудела, заглушая звуки зала — разговоры, звон чашек, кассовый аппарат. Я любила этот звук. Он был ровным, монотонным, и в нём не было ничего личного.

К десяти часам пришла первая волна посетителей. Офисные работники, студенты, мамочки с колясками. Я улыбалась, делала капучино, латте, эспрессо. Мои руки двигались автоматически — молотый кофе, тампер, рычаг, пар. Глаза смотрели на пенку, но не видели её.

В двенадцать пришёл клиент, который попросил мой номер телефона.

— Вы очень красивая, — сказал он, сверкая золотым зубом. — Может, кофе после работы?

— Это запрещено правилами, — ответила я.

— Какими правилами?

— Техники безопасности.

Он не понял шутки, но отстал.

Олег подозвал меня к себе через час. Я подошла, думая, что он снова будет делать замечание. Но он молчал, разглядывая меня с головы до ног.

— Знаешь, Алиса, — сказал он наконец, — ты могла бы выглядеть получше. Клиенты любят глаза, а не синяки под ними. Подкрашивайся, что ли.

— У меня нет денег на косметику, — ответила я, глядя в пол.

— Могли бы быть, если бы ты была... любезнее.

Он произнёс это с такой интонацией, что к горлу подступила тошнота. Рядом стояла коллега Настя, она делала вид, что протирает кофемашину, но я видела, как она слушает. Ей было стыдно за меня. Или за себя. Я не знаю.

— Я поняла, — сказала я и вернулась за стойку.

Настя через минуту подошла и прошептала: «Ты держись. Он козёл». Я кивнула. Мне хотелось плакать, но слёз не было. Только усталость.

В обеденный перерыв я вышла в парк. Катя и Вика уже сидели на скамейке у фонтана — Катя в розовой шапке с помпоном, Вика вся в чёрном, с кольцом в носу и книгой «Психология смерти» на коленях.

— Принесла? — спросила Катя, глядя на мой пакет.

— Просроченные сэндвичи с курицей, — сказала я. — Олег сказал выбросить, но я подумала, что вы не побрезгуете.

— Я побрезгую, — сказала Вика, но сэндвич взяла.

Мы жевали молча. Сэндвичи были сухие, с твёрдым хлебом и резиновым сыром. Но это была еда.

— Олег опять домогался? — спросила Катя, жуя.

— Как обычно. Сказал, чтобы была любезнее.

— Напиши жалобу в трудовую.

— Бесполезно, — сказала Вика. — У нас в морге начальник тоже козёл. Но я ему подложила в стол дохлую крысу. Действует безотказно.

Я засмеялась — впервые за день. Смех вышел хриплым, как будто я не пользовалась им давно.

— Кстати, — Катя достала телефон и начала листать ленту. — На барахолке «Стекляшка» новые развалы. Говорят, можно найти винтажное Таро. Для прикола, погадать на парней.

— Таро — это мусор для инфоцыган, — сказала Вика, даже не поднимая головы от книги. — Хотя... если честно, я видела в морге одну женщину. У неё в руке была карта «Смерть». Лежала на груди, прямо поверх савана. Может, совпадение, а может, её заказали.

Я поёжилась. Ветер подул сильнее, и листья с деревьев посыпались на землю, как мёртвые бабочки.

— Я в это не верю, — сказала я. — Всё это психосоматика. Самовнушение. Если человек верит, что карты предсказывают будущее, он начинает подгонять события под предсказание.

— Умная какая, — усмехнулась Вика. — А как объяснишь женщину с картой «Смерть»?

— Совпадение. Или её убили те, кто хотел, чтобы это выглядело как ритуал.

— Ты слишком рациональна для этого мира, — сказала Катя. — Когда-нибудь это тебя погубит.

Я не знала тогда, что она окажется права.

Вечером, когда я вернулась домой, мать уже проснулась. Она сидела на кухне с кружкой чая — чёрного, крепкого, с тремя ложками сахара. Руки её тряслись.

— Дай сто рублей, — сказала она, не глядя на меня. — Спина болит.

— Ты вчера всё пропила, — сказала я, ставя сумку на пол. — Мите нужен новый ингалятор. Он стоит восемьсот.

— Ты как отец, — мать подняла на меня глаза. Они были мутными, с красными прожилками. — Вечно учишь. Он ушёл, и ты уйдёшь. Никому ты не нужна, поняла? Никому.

Я молчала. Я знала, что спорить бесполезно. Знание того, что мать говорит это не со зла, а с похмелья, не делало слова менее болезненными.

Я достала из кошелька двести рублей — свои последние — и положила на стол.

— На, — сказала я. — Но это всё.

Мать схватила деньги и спрятала их в карман халата. Даже не поблагодарила.

Перед тем как уйти в комнату, я вышла в магазин за хлебом. В очереди стояла женщина с мальчиком лет пяти. Он кашлял — точно так же, как Митя. Мать держала его за руку и говорила продавцу: «Мне нужен новый ингалятор, этот сломался». Продавец покачал головой: «Нет в наличии. Только через неделю».

Женщина заплакала. Я смотрела на неё, и внутри закипала злость — не на неё, на мир, где ингалятор стоит восемьсот рублей, а зарплата две тысячи в неделю. Я подошла, сунула ей в руку пятьсот рублей — всё, что осталось до полочки.

— Возьмите. Купите в другой аптеке.

Она посмотрела на меня с удивлением и благодарностью. Я развернулась и ушла, не дожидаясь ответа.

Дома я села на кровать и поняла, что у меня нет денег даже на хлеб. Но почему-то не жалела. Митя не умрёт. Это главное.

Я ушла в свою комнату, закрыла дверь и села на кровать.

Моя комната была маленькой, но это было моё пространство. Обои в цветочек — я просила поклеить их, когда мне было двенадцать, и с тех пор они не менялись. В углу стоял мольберт — старый, разохшийся, с пятнами краски. Я купила его на барахолке три года назад за пятьсот рублей. Рядом лежала папка с рисунками.

Я открыла папку.

Там были портреты, пейзажи, наброски. Мити, спящего на диване. Матери, смотрящей в окно. Вида из окна — серые дома, чёрные провода, голубое небо, которое я делала слишком ярким, чтобы оно казалось настоящим.

Я хотела учиться в художественном училище. Подала документы в два, но провалилась на вступительных — не хватило баллов, а платное обучение стоило сто двадцать тысяч в год. У нас таких денег не было.

Поэтому я поступила на заочный маркетинг. Потому что маркетинг кормит. Потому что маркетинг — это работа в офисе, стабильная зарплата и никаких рисков.

Я ненавидела маркетинг.

Но я не говорила этого вслух. Не имело смысла.

На столе лежал учебник «Основы маркетинга» — толстый, с жёлтыми страницами и подчёркнутыми строчками. Я должна была прочитать главу про сегментирование рынка, но вместо этого смотрела на чистый лист на мольберте.

Карандаш лежал рядом. Я взяла его, поднесла к бумаге.

Ничего.

Я не могла рисовать. Не могла заставить руку двигаться. Будто что-то внутри меня заблокировало эту способность, спрятало её под слоем усталости, страха и безысходности.

Я положила карандаш.

В кармане завибрировал телефон. Я достала его — экран светился в темноте. Дима.

Дима — мой бывший. Мы расстались три месяца назад. Он сказал, что я слишком много работаю и мало улыбаюсь. Через две недели я узнала, что он встречается с Катей. Я сделала вид, что мне всё равно. Катя сделала вид, что не знает, что я знаю.

— Привет, — сказал Дима, когда я ответила. Голос у него был весёлый, слегка пьяный. — Скучаешь?

— Дима, ты встречаешься с Катей. Зачем ты звонишь?

— Может, увидимся? У меня концерт завтра. Будет весело. Ты же любила мою музыку.

— Не звони мне больше.

Я нажала «отбой».

Телефон упал на кровать. Я смотрела на него, и внутри росла какая-то пустота — не боль, не злость, а именно пустота. Будто кто-то вынул из меня все чувства и оставил только оболочку.

Я легла, накрылась одеялом с головой и закрыла глаза.

Перед тем как провалиться в сон, я услышала, как в соседней комнате кашляет Митя.

Он кашлял недолго — три, четыре раза, — потом затих.

Я ждала. Секунду. Две. Десять.

Дыхание выровнялось.

Я выдохнула и провалилась в темноту.

Конец главы 1.

ГЛАВА 2. БАРАХОЛКА

Суббота началась с того, что Митя разбудил меня в восемь утра, тряся за плечо.

— Алис, вставай. Катя звонит.

Я открыла один глаз. Телефон на тумбочке вибрировал и подпрыгивал, как живой. Экран светился именем «Катя» и фотографией, где мы вместе смеёмся в парке. Та фотография была сделана год назад, до Димы, до всего.

— Ответь сама, — пробормотала я, зарываясь лицом в подушку.

— Она тебя хочет.

Я взяла трубку.

— Алиса, ты спишь ещё? — голос Кати был бодрым, почти звонким. — Подъём! Сегодня на барахолку, помнишь? Я зайду через час.

Я не помнила. Но спорить не было сил.

— Ладно, — сказала я. — Жди внизу.

Положила трубку и села на кровати. Голова гудела. Мне приснился какой-то странный сон — белое поле, скала, край. Я стояла на краю и смотрела вниз, в темноту, и кто-то шептал мне: «Прыгай, прыгай, не бойся». Я не прыгнула. Но хотела.

Митя уже был одет — синие джинсы, серая кофта с динозавром, кеды на липучках. Волосы он прилизал мокрой расчёской, но они всё равно торчали в разные стороны.

— Ты сегодня с нами? — спросила я.

— Нет, я к Пашке. У него новый «Лего».

— Деньги есть?

— Ага, ты вчера дала сто рублей.

Я хотела сказать, что те сто рублей были на хлеб, но промолчала. Хлеб можно купить завтра.

Мать ещё спала. Я заглянула в комнату — она лежала на том же диване, в той же позе, будто не двигалась всю ночь. Бутылки рядом не было. Может, сегодня будет хороший день.

Я умылась, оделась — джинсы, свитер, куртка. Волосы собрала в пучок, подвела глаза, чтобы не выглядеть как смерть. В зеркале отразилась девушка с бледным лицом и тёмными кругами. Я улыбнулась себе — вышло криво.

Катя ждала внизу, у подъезда. Она была в розовом пуховике и белой шапке с помпоном, и вся сияла, как новогодняя ёлка.

— Привет! — она чмокнула меня в щёку. — Выспалась?

— Не очень.

— Вечно ты не высыпaeшься. Слушай, а ты слышала новую песню Димы?

Сердце кольнуло.

— Нет, — сказала я.

— Он посвятил её «таинственной незнакомке». Все в комментариях думают, что это про тебя.

— Кать, — я остановилась и посмотрела на неё. — Ты встречаешься с Димой. Зачем ты мне это говоришь?

Она отвела глаза.

— Прости. Я просто... не знаю. Глупо получилось. Мы не планировали. Просто после вашего расставания он был такой потерянный, и я...

— Кать, не надо. Поехали уже.

Мы пошли к остановке. Мороз щипал щёки, воздух был прозрачным и хрустящим, как леденец. На ветках деревьев висели куски старой мишуры — с Нового года, который мы встречали у Вики, пили шампанское и смотрели «Иронию судьбы». Тогда ещё всё было нормально.

Вика ждала нас в автобусе. Она сидела на заднем сиденье, вся в чёрном, с книгой на коленях. На этот раз это был не «Психология смерти», а какой-то детектив про маньяка.

— Привет, трупы, — сказала она, не поднимая головы.

— Привет, сама такая, — ответила Катя, плюхаясь рядом.

Я села напротив, у окна. Автобус тронулся, застучал по кочкам.

— Вика, расскажи что-нибудь жуткое, — попросила Катя. — Для настроения.

Вика отложила книгу. Глаза у неё блеснули — она любила эти истории.

— Вчера привезли мужика. Лет сорок. Подавился картой.

— Чем? — переспросила я.

— Картой. Игровой. Козырный туз. Застрял в горле, перекрыл дыхание. Скорая не успела.

— Фу, — Катя поморщилась. — Как можно подавиться картой?

— А вот так. Сел ужинать, решил похвастаться фокусом — достал карту изо рта, а она проскочила в горло. Говорят, он гадал на Таро перед этим, хотел съесть карту для прикола.

— Съесть карту? — я не поверила.

— Ну, знаешь, есть такие ритуалы. Вытянул карту — съел — значит, судьбу принял. Идиоты.

Автобус тряхнуло, и я вцепилась в поручень. За окном проплывали серые дома, голые деревья, вывески магазинов. «Продукты», «Аптека», «Всё для дома». Мир был серым, плоским, предсказуемым.

— А ты веришь в Таро? — спросила я у Вики.

— Нет. Это мусор для инфоцыган. Карты не предсказывают будущее, они просто отражают то, что у тебя в голове. Проекция. Самовнушение.

— А женщина с картой «Смерть» в морге? — напомнила Катя.

— Совпадение. Или её убил кто-то, кто знал про карты. Рациональное объяснение всегда есть.

Я кивнула. Мне нравилась Викина рациональность. В мире, где всё шло не так, как надо, она была якорем.

Барахолка «Стекляшка» располагалась на окраине города, в старых складских помещениях. Там пахло пылью, гнилыми досками и дешёвой едой из фуд-корта. Мы любили это место — здесь можно было найти всё: от советских игрушек до винтажной одежды, от книг с автографами до поддельных часов.

— Сегодня суббота, — сказала Катя, когда мы вошли в главный зал. — Должно быть много интересного.

Мы бродили между рядами. Я смотрела по сторонам, но не искала ничего конкретного. Просто хотела отвлечься. Забыть про мать, про деньги, про Диму, про кашель Мити по ночам.

— О, смотри, — Катя ткнула пальцем в стенд с украшениями. — Серьги с лунным камнем!

— Красивые, — согласилась я, но не остановилась.

Вика ушла вперёд, к стеллажам с книгами. Я осталась с Катей.

— Ты какая-то потерянная, — сказала она, примеряя серьги. — Всё в порядке?

— Да. Просто устала.

— Может, тебе нужен отдых? Съездим куда-нибудь? На море?

— Кать, у меня нет денег на море.

Она замолчала. Мы обе знали, что деньги — это болезненная тема.

— Пойдём дальше, — сказала я.

Мы зашли в ряд, где торговали старыми книгами, пластинками и непонятным хламом. Здесь было темнее — лампочки горели через одну, и в воздухе висела пыль, которую я чувствовала языком.

Я шла медленно, разглядывая прилавки. Старые фотоаппараты, фарфоровые статуэтки, журналы девяностых. И вдруг — остановилась.

В конце ряда, в полумраке, я увидела стол. Обычный деревянный стол, накрытый чёрной бархатной скатертью. На нём лежал футляр — чёрный, кожаный, с потёртостями. За столом сидела старуха.

Я не заметила её сразу. Она словно растворялась в темноте — серая кофта, серая шаль, серое лицо. Только глаза светились — один тёмный, второй мутный, с бельмом.

— Подойди, — сказала она.

Голос был скрежещущим, как ржавые петли.

Я подошла. Не потому, что хотела. Просто ноги сами понесли меня.

— Что это? — спросила я, кивая на футляр.

— Карты, — сказала старуха. — Старшие арканы. Двадцать две дороги. Двадцать две ловушки.

— Сколько стоят?

— Не продаются. — Она усмехнулась, и я увидела, что у неё нет нескольких зубов. — Только если ты их вытянешь. Потяни карту — станешь моей.

Я хотела сказать, что не верю в карты. Но рука уже потянулась к футляру.

Пальцы коснулись кожи. Она была холодной, липкой, как мокрая рыба.

— Не смотри на них, дура, — прошипела старуха, хватая меня за запястье. Её пальцы были костлявыми и холодными, как у мертвеца. — Только потяни — и ты моя.

Я открыла футляр.

Карты были старыми — пожелтевшие края, потрескавшиеся уголки, тёмные разводы, похожие на кровь. Я взяла одну — не глядя, просто взяла, потому что рука сама потянулась. Карта была шершавой, как наждак, и пахла горелым воском.

— Алиса! — голос Кати прорвался сквозь вату в ушах. — Смотри, какой мем!

Я обернулась. Катя показывала телефон, хохоча. Я посмотрела на экран — какая-то глупая картинка с котом.

— Прикольно, — сказала я машинально.

Я положила карты обратно в футляр. Закрыла его. Поставила на прилавок.

— Извините, — сказала я старухе. — Я не буду брать.

Она смотрела на меня. Бельмо блестело в темноте.

— Уже взяла, — сказала она. — Уже.

Мне стало не по себе. Я развернулась и пошла к Кате.

— Пойдём отсюда, — сказала я.

— Что случилось?

— Ничего. Просто... не нравится мне это место.

Мы нашли Вику у стеллажа с детективами. Она купила три книги и уже читала одну из них.

— Уходим? — спросила она, не отрываясь.

— Уходим, — сказала я.

У выхода я обернулась.

Тот ряд был пуст. Ни стола, ни старухи, ни чёрного футляра. Только голая стена и лампочка, которая мигала, как будто хотела погаснуть и не могла.

Мне показалось. Просто показалось.

Домой я вернулась к вечеру. Митя уже был у Пашки, мать спала. Я разделась, повесила куртку в шкаф и пошла на кухню — чайник, чашка, пакетик.

Я заварила чай, села за стол.

В кармане куртки что-то тяжелело.

Я замерла.

Медленно, очень медленно, я опустила руку в карман.

Пальцы нащупали кожу. Холодную. Липкую.

Я вытащила его. Чёрный, кожаный, с потёртостями.

Чёрный кожаный футляр с потёртостями. Тот самый.

Сердце забилося где-то в горле.

— Этого не может быть, — сказала я вслух. Голос дрожал.

Я открыла футляр. Карты лежали на месте — двадцать две штуки, старшие арканы. Та же пожелтевшая бумага, те же тёмные разводы.

Я закрыла футляр. Положила на стол. Отодвинулась на стул.

— Это не моё, — сказала я. — Я не брала.

Никто не ответил.

Я взяла телефон, набрала Катю.

— Алло? — голос у неё был весёлый.

— Кать, ты помнишь, я брала ту колоду на барахолке?

— Какую колоду? Мы ничего не покупали.

— Ну, чёрный футляр, старуха с бельмом. Я взяла карты, потом положила обратно.

— Алис, — Катя засмеялась. — Ты ничего не брала. У тебя в руках вообще ничего не было. Ты просто смотрела на пустой стол.

У меня похолодели пальцы.

— Как пустой?

— Ну, ты подошла к какому-то месту, посмотрела на стену, потом вернулась. Мы с Викой ещё переглянулись. Думали, ты того... глючишь.

Я сбросила звонок.

Набрала Вику.

— Тоже про пустой стол? — спросила она, не дослушав. — Катя уже рассказала. Ты себя нормально чувствуешь? Может, давление?

— Я в порядке, — сказала я. — Спокойной ночи.

Положила трубку.

Я смотрела на чёрный футляр. Он лежал на столе, и в тусклом свете кухонной лампы казалось, что он дышит. Чуть-чуть расширяется, чуть-чуть сжимается.

— Это не моё, — повторила я.

Я взяла футляр, вышла в подъезд и бросила его в мусорное ведро.

Потом вернулась в квартиру, закрыла дверь и легла спать.

Мне снился тот же сон — белое поле, скала, край. Кто-то шептал: «Прыгай, прыгай». Я стояла на краю и смотрела вниз.

Внизу, в темноте, лежала колода карт. И кто-то смеялся.

Я проснулась в три часа ночи. В комнате было темно. Я протянула руку к тумбочке — включить свет.

Пальцы нащупали кожу. Холодную. Липкую.

Футляр лежал на моей подушке.

Конец главы 2.

ГЛАВА 3. КАРМАН

Я не закричала.

Сначала я просто смотрела на чёрный футляр, лежащий на подушке рядом с моим лицом. Он был закрыт. Кожаный, потёртый, с тусклой пряжкой. На белой наволочке он казался куском темноты, вырезанным из ночи.

Моё дыхание остановилось. Я замерла, как мышь перед котом.

— Этого не может быть, — прошептала я.

Я отодвинулась к стене, спиной вжалась в холодные обои. Футляр не двигался. Он просто лежал. Ждал.

Я выбросила его. Я точно выбросила. Спустилась в подъезд, открыла мусорное ведро, бросила. Вернулась, закрыла дверь на ключ. Спать легла одна.

Как он оказался на подушке?

Дверь в комнату была закрыта. Окно — тоже. Митя спит в соседней комнате, мать — на кухне. Никто не мог зайти.

Я протянула руку к выключателю на тумбочке. Нажала.

Свет не зажёгся.

Лампочка перегорела? Или нет электричества? Я нажала ещё раз. Ничего.

Только футляр. Он будто светился в темноте — нет, не светился, но я видела его очертания слишком чётко, как будто ночь расступалась перед ним.

Я перевела дыхание.

— Это просто сон, — сказала я вслух. — Ты спишь. Это всё не по-настоящему.

Я закрыла глаза. Сжала веки так сильно, что перед глазами поплыли оранжевые круги. Посчитала до десяти. Открыла.

Футляр всё ещё лежал на подушке.

Но теперь он был открыт.

Пряжка расстегнута, крышка откинута. Карты выглядывали наружу — двадцать две штуки, тёмные, с разводами. И пахли они не горелым воском. Теперь они пахли кровью. Свежей, железной, той, которая бывает, когда режешь палец.

Я почувствовала этот запах ноздрями, и меня вырвало.

Нет, не по-настоящему. Желудок сжался, подкатила тошнота, но я сдержалась. Схватила футляр, выскочила из комнаты, пробежала по коридору, распахнула дверь в туалет и кинула его в унитаз.

Нажала на смыв.

Вода закружилась, загудела, унося с собой чёрный футляр. Карты выпали, поплыли, закружились в водовороте. Я смотрела, как они исчезают в трубе.

— Убирайся, — прошептала я. — Убирайся к чёрту.

Я стояла над унитазом, тяжело дыша, пока вода не успокоилась. Потом закрыла крышку, вымыла руки и вернулась в комнату.

Включила свет — на этот раз лампочка зажглась. В комнате было пусто. Подушка влажная от моего пота, но чистая. Никакого футляра.

Я легла. Не спала, просто лежала, смотрела в потолок и ждала рассвета.

Утром я не сразу вспомнила про колоду. Проснулась разбитая, с сухим ртом и тянущей болью в висках. Митя уже ушёл к Пашке — оставил записку на столе: «Я в 12. Ингалятор взял. Не волнуйся». Мать ещё спала, свернувшись калачиком.

Я сварила себе кофе — растворимый, дешёвый, три ложки сахара, чтобы заглушить вкус. Села за стол. Посмотрела на мусорное ведро. Там, в чёрном пакете, лежал футляр.

Или не лежал.

Я встала, подошла к ведру. Заглянула.

Пакет был пуст. Ну, не совсем — там были кофейная гуща, огрызок яблока, старая газета. Но футляра не было.

Я выдохнула с облегчением. Конечно, нет. Я же смыла его в унитаз. Он уплыл, растворился в канализационных трубах. Конец истории.

Я заварила второй круг кофе, включила телефон. Катя прислала десять сообщений — мемы, видео с котами, ссылку на гороскоп. Вика молчала. Я ответила Кате смайликом и отложила телефон.

День шёл своим чередом. Я перестирала бельё, вытерла пыль, помыла посуду. Купила хлеб в магазине за углом. Вернулась, приготовила макароны с тушёнкой. Митя пришёл в четыре, довольный, с новой игрушкой из «Лего», которую ему подарил Пашкин папа.

— Смотри! — он показал космический корабль. — У него крылья раскладываются.

— Красиво, — сказала я. — Есть будешь?

— Ага.

Мы поели. Митя рассказывал про мультики, про Пашку, про то, как они построили космодром. Я слушала вполуха, кивала, улыбалась.

К вечеру мать проснулась, выпила чай, попросила двести рублей. Я дала — остатки от зарплаты. Она ушла в магазин, вернулась с бутылкой. Я не стала ничего говорить.

Нормальная суббота. Почти.

Я легла спать в одиннадцать. Проверила, закрыта ли дверь, выключила свет, натянула одеяло до подбородка. Митя уже спал — я слышала его ровное дыхание через стену.

Сон пришёл не сразу. Я лежала, смотрела в потолок, думала о работе, о деньгах, о том, что надо бы заказать новый ингалятор, но восемьсот рублей — это восемьсот рублей. Может, мать получит пенсию на следующей неделе.

За окном шумел ветер. Где-то лаяла собака. Хлопнула дверь подъезда — сосед курил на лестнице.

Я закрыла глаза.

Провалилась в темноту.

И в этой темноте что-то коснулось моей руки.

Холодное. Липкое.

Я проснулась мгновенно, как от удара. Сердце колотилось где-то в горле.

Я не открывала глаз. Боялась.

Но рука — моя левая рука — лежала на чём-то. На чём-то твёрдом, с углами, с пряжкой.

Футляр.

Я открыла глаза.

В комнате было темно, но я видела его очертания — чёрный прямоугольник, лежащий поверх одеяла, на моей груди. Как будто кто-то положил его туда, пока я спала.

Я вскочила. Футляр упал на пол, ударился, раскрылся. Карты рассыпались по линолеуму — Шут, Жрица, Императрица, Император, все двадцать две, разбросанные веером, как будто их тасовала невидимая рука.

— Нет, — сказала я. — Нет, нет, нет.

Я собрала карты дрожащими руками, сложила в футляр, застегнула пряжку. Вышла на кухню. Открыла мусорное ведро — оно было пустым, я же выбросила пакет утром. Тогда я понесла футляр к мусоропроводу.

Мусоропровод находился на лестничной площадке, между вторым и третьим этажом. Я открыла железную заслонку — пахло холодом, сыростью, гнилью. Размахнулась и бросила футляр в чёрную дыру.

Он упал, глухо стукнулся о стенки, затих где-то внизу.

— Всё, — сказала я. — Конец.

Я вернулась в квартиру, заперлась, легла.

Спать не хотелось. Я лежала, смотрела в потолок, ждала.

Час. Два. Три.

Ничего.

Я начала засыпать.

Я проснулась от того, что замёрзла.

Ноги были ледяными, даже через одеяло. Я пошевелилась, пытаюсь согреться, и услышала звук — лёгкий, металлический, как будто кто-то перебирал монеты.

Я открыла глаза.

Комната была залита лунным светом — луна заглядывала в окно, огромная, жёлтая, с чёткими кратерами. И в этом свете я увидела колоду.

Она лежала на моём письменном столе. Открытая. Карты разложены в ряд — двадцать две штуки, от Шута до Мира. Они не были разбросаны хаотично. Они лежали в порядке.

Как будто кто-то гадал. На меня.

Я села. Ноги не слушались.

— Кто здесь? — спросила я. Голос прозвучал чужим, тонким.

Никто не ответил.

Я встала, подошла к столу. Взяла карту, лежащую первой — «Шут». На ней был изображён юноша с котомкой, идущий к пропасти. Глаза у юноши были пустыми, как у куклы.

Я перевернула карту.

На обороте, чёрными буквами, было написано: «Ты уже начала. Не останавливайся».

Я выронила карту. Она упала на пол и замерла.

Я решила проверить холодильник.

Не знаю, почему. Просто мне показалось, что если я открою холодильник, то увижу что-то, что объяснит всё.

Я пошла на кухню, включила свет. Лампочка замигала, но зажглась.

Холодильник старый, «ЗИЛ», ещё советский, гудит как трактор. Я открыла дверцу.

Я открыла холодильник. На верхней полке, между кефиром и вчерашними макаронами, стоял чёрный кожаный футляр. Из-под крышки сочилась тёмная жидкость. Она капала на яйца. Кап. Кап. Кап. Жидкость была густой, как смола, и пахла не кровью — чем-то сладким, гнилым. Я закрыла дверцу. Посчитала до десяти. Открыла снова. Жидкость исчезла. Но на яйцах остались бурые пятна. Они дымились

— С ума сойти, — прошептала я. — Я схожу с ума.

Я достала телефон, набрала Вику. Трубку никто не взял — уже два часа ночи. Катя тоже не ответила.

Я осталась одна. С колодой, которая возвращалась. С картами, которые гадали на меня. С запахом крови и горелого воска, который, казалось, пропитал всю квартиру.

Я села на пол кухни, прижала колени к груди и заплакала.

Слёзы были тихими, без звука. Я плакала от страха, от усталости, от того, что не понимала, что происходит. Я не верила в Таро. Я не верила в магию. Но футляр лежал в холодильнике, и это была не галлюцинация.

Я подняла голову.

Дверца холодильника была открыта.

Я её закрывала. Я точно её закрывала.

Я встала, подошла, заглянула внутрь.

Футляр исчез.

На полке стояли кефир, макароны, банка с огурцами. Всё, как обычно.

Я закрыла дверцу, отошла, обернулась.

Футляр лежал на столе.

Открытый. Карты разложены веером. И первая карта, та, что ближе ко мне, была «Шут».

Юноша с пустыми глазами смотрел на меня. Улыбался.

— Ты уже начала, — сказал он.

Нет, не он. Я сама. Внутри меня. Голос, который не был моим, но звучал в моей голове.

— Не останавливайся.

Я закрыла глаза.

Когда я открыла их снова, футляр лежал закрытый, на краю стола, мирный и безобидный, как любая старая вещь.

Но я знала.

Он не уйдёт.

Конец главы 3.

ГЛАВА 4. ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РЫНОК

Я не спала всю ночь.

Сидела на кухне, смотрела на чёрный футляр, который мирно лежал на столе, и пила кофе — чашку за чашкой, пока язык не стал горьким и шершавым, как наждак. Колода не двигалась. Не дышала. Не пахла кровью. Просто лежала, старая, потрепанная, безобидная на вид.

Но я знала. Я видела, как она открывалась сама. Как карты выкладывались в ряд. Как «Шут» с пустыми глазами смотрел на меня и улыбался.

К шести утра я приняла решение.

Я поеду на барахолку. Найду ту старуху. Отдам колоду лично в руки. Скажу, что не брала, что она сама прилипла ко мне, что я ничего не крала. Пусть забирает.

Я оделась, накинула куртку. Митя ещё спал — я оставила ему записку: «Ушла по делам. Ингалятор на столе. Еда в холодильнике». Мать дрыхла на диване, даже не пошевелилась, когда я хлопнула дверью.

На улице было серо и холодно. Раннее утро воскресенья — город казался вымершим. Ни машин, ни людей, только ветер гонял по асфальту прошлогодние листья. Я шла быстрым шагом, сжимая в кармане футляр. Кожа была холодной, и мне казалось, что она нагревается от тепла моей ладони — или наоборот, высасывает тепло.

Автобус пришёл пустой. Я села у окна, положила футляр на колени и смотрела, как проплывают серые дома, голые деревья, остановки с разбитыми стёклами. В голове было пусто — ни мыслей, ни страха, только тянущая усталость.

— Ты справишься, — сказала я себе шёпотом.

Футляр не ответил.

Барахолка «Стекляшка» по воскресеньям открывалась рано. К девяти утра там уже толпились люди — пенсионеры с авоськами, перекупщики с тележками, мамочки с колясками. Я приехала к половине десятого.

Внутри пахло пылью, жареными пирожками и дешёвой парфюмерией. Я прошла мимо рядов с одеждой, мимо столов с книгами, мимо лотков с игрушками. Искала тот ряд, тот прилавок, ту старуху с бельмом.

Но всё выглядело иначе.

Днём, при свете ламп, барахолка казалась просто большим складом старого хлама. Я бродила между стеллажами, всматривалась в лица продавцов — старух с морщинистыми лицами, дедов с трясущимися руками. Ни одной с бельмом.

Я дошла до конца зала. Того места, где вчера был стол с чёрной скатертью.

Там стоял лоток с носками.

Обычный деревянный лоток, заваленный пачками мужских, женских, детских носков. За лотком сидел мужик лет пятидесяти — лысый, в спортивном костюме, с татуировкой на предплечье: якорь и надпись «Свобода». Он пил кофе из пластикового стаканчика и читал газету.

— Извините, — сказала я, подходя. — Здесь вчера был другой прилавок. Стол, чёрная скатерть. Старуха с бельмом на глазу.

Мужик поднял на меня глаза. Недовольные, усталые.

— Какой стол? — спросил он. — Я здесь пять лет носками торгую. Никаких старух.

— Но вчера... я точно видела. Она продавала колоду Таро. Чёрный футляр.

Мужик отложил газету. Посмотрел на меня внимательнее.

— Таро, говоришь? — он помолчал. — Марьяна, что ли?

У меня ёкнуло сердце.

— Да! Марьяна. Вы её знаете?

Мужик хмыкнул, почесал лысину.

— Знаю, — сказал он. — Только она пять лет назад умерла. Инфаркт. Прямо здесь, на этом месте. Сидела за своим прилавком, схватила за сердце, и всё. Скорая не успела.

Я смотрела на него, не веря.

— Как умерла?

— А вот так. Ей было уже под семьдесят. Высокое давление, нервы. Говорят, с колодой в руках её нашли. Карты так и сжимала, даже когда окоченела, пальцы не разжали.

Он замолчал, сделал глоток кофе.

— А прилавок её убрали через неделю. Никто не хотел здесь торговать. Говорили, место нехорошее.

— Где она жила? — спросила я. — Мне нужно с ней поговорить.

Мужик посмотрел на меня как на сумасшедшую.

— Девушка, она умерла. Слышишь? Мертва. Пять лет как. Если хочешь с ней поговорить, иди на кладбище.

Он отвернулся и уткнулся в газету.

Я постояла ещё секунду, потом развернулась и пошла к выходу. Ноги не слушались. В голове гудело: умерла, пять лет назад, с колодой в руках. Но я же видела её вчера. Она хватала меня за запястье. Она говорила со мной.

Или нет?

Я не пошла на кладбище. Вместо этого я направились в администрацию рынка — маленькую комнатку на втором этаже, где сидел охранник с усатым лицом и смотрел в мониторы.

— Здравствуйте, — сказала я, заглядывая в дверь. — Вы можете дать посмотреть записи с камер за вчерашний день? Мне нужно кое-что проверить.

Охранник оторвался от монитора. Фамилию я не разглядела, но на бейдж было написано «Николай Иванович».

— По какому поводу? — спросил он. — Что-то украли?

— Нет, я просто... я хочу посмотреть, как я заходила. В районе четырёх часов дня. Ряд с книгами, дальний конец.

Он пожал плечами.

— Могу показать. Только это не быстро. У нас запись сохраняется две недели, но искать надо.

— Пожалуйста, — сказала я. — Мне очень важно.

Он покопался в компьютере, что-то пощёлкал мышью. На экране появилось изображение — зал барахолки, серый, зернистый, с мечущимися фигурами покупателей.

— Какой примерно час? — спросил он.

— Четыре. Может, чуть позже.

Он промотал запись. Я смотрела на экран, вглядываясь в лица. Вот женщина с коляской, вот двое парней в кепках, вот старик с палкой.

— Стоп, — сказала я. — Вот здесь.

На записи появилась я. Я узнала свою куртку, свои джинсы, свой пучок на затылке. Я шла по ряду, потом остановилась. Посмотрела в сторону — туда, где вчера был прилавок Марьяны.

Но прилавка не было.

На записи я смотрела на пустую стену. На голые кирпичи и ржавую трубу.

— Что вы там разглядывали? — спросил охранник.

Я не ответила. Я смотрела, как моё тело делает шаг вперёд. Как моя рука тянется к чему-то, чего нет. Как мои пальцы сжимают воздух, потом разжимаются.

На записи я выглядела как человек, который держит в руках невидимую колоду.

Я смотрела на это и не узнавала себя. Моё лицо было пустым. Глаза — открытыми, но невидящими. Безжизненными, как у куклы.

Я положила невидимую колоду в карман. Развернулась. Пошла прочь.

— Странная вы, девушка, — сказал охранник. — Может, у вас лунатизм? Или диссоциативное расстройство? Я по телевизору видел, люди ходят во сне и не помнят.

Я не слушала. Я смотрела на экран, на своё пустое лицо, и внутри меня что-то оборвалось.

— Можно мне копию? — спросила я. — Этого фрагмента?

— Не положено, — сказал охранник. — Но можете сфотографировать на телефон.

Я достала телефон, навела на экран. Сделала снимок. Потом ещё один.

— Спасибо, — сказала я и вышла.

На улице меня вырвало.

Я отошла за угол, присела на корточки, и меня вывернуло наизнанку — кофе, желчь, пустота. Я сидела, дрожа, упираясь ладонями в холодный асфальт, и смотрела на лужу рвотных масс.

В кармане лежал футляр. Я чувствовала его тяжесть.

— Ты не настоящая, — прошептала я. — Тебя нет. Я выдумала тебя.

Футляр молчал.

Я вытерла рот рукавом, встала. Достала телефон, открыла фотографию. На снимке — моё пустое лицо, моя рука, сжимающая воздух. Никакой старухи. Никакого стола. Никакой колоды.

Только я. И пустота.

Я пошла к остановке. Ноги дрожали, но я заставляла себя двигаться. Один шаг, второй, третий. Автобус подошёл быстро, я села у окна, положила футляр на колени.

Люди вокруг смотрели на меня. Или мне казалось? Одна женщина с ребёнком переставила коляску подальше. Мужчина в кожанке покосился на футляр.

— Что это у вас? — спросил он.

— Колода карт, — сказала я. — Таро.

— А, — он кивнул и отвернулся.

Никто не видел, что футляр шевелится. Что пряжка расстёгивается сама собой. Что из-под крышки выглядывает уголок карты — «Шут» с пустыми глазами.

Я закрыла футляр. Застегнула пряжку. Положила сверху ладонь.

— Не сейчас, — прошептала я. — Дома разберёмся.

Дома было тихо. Митя ушёл к Пашке, мать спала. Я прошла на кухню, поставила футляр на стол. Села напротив.

— Ты кто? — спросила я.

Тишина.

— Что тебе нужно?

Тишина.

Я открыла футляр. Карты лежали ровно, стопкой, рубашкой вверх. Я взяла верхнюю, перевернула.

«Шут».

Юноша с пустыми глазами улыбался мне с картона.

— Ты уже начала, — сказал голос в моей голове. — Не останавливайся.

Я хотела ответить, но не успела.

Лампочка на кухне мигнула и погасла. Стало темно, хотя за окном был день. Я встала, хотела зажечь свечу, но не смогла пошевелиться. Тело замерло, как парализованное.

Передо мной, в темноте, засветился силуэт. Женщина в серой кофте, с бельмом на глазу.

— Ты пришла, — сказала Марьяна. — Я ждала.

Я хотела закричать, но не могла.

— Не бойся, — сказала она. — Ты не украла. Я сама положила колоду тебе в карман. Ты подходишь. Ты не веришь. А те, кто не верит, платят больше всех.

Она шагнула ко мне. Я чувствовала запах — горелый воск, кровь, старость.

— Двадцать два урока, — сказала она. — Двадцать две смерти. А потом ты станешь свободной. Или нет. Посмотрим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.